

ЗООМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В ПРОЗЕ М.А. БУЛГАКОВА И Н.В. ГОГОЛЯ

Мамырбаева Балнур Жанабайкызы

Balnurka.93@mail.ru

м.п.н., преподаватель кафедры русской филологии ЕНУ им. Л.Н.Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан

В литературе зооморфные образы позволяют выделять специфические черты внешности персонажей, особенности их поведения, физические, интеллектуальные, нравственные качества, описывать эмоциональное состояние характеров, могут заключать определенную оценочность, описывать культурную специфику страны. Основная цель этих сравнений – это «приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации» [1]. Такие сравнения возникают в результате творческого осмысления мира, они формируются на основе общечеловеческих или национальных представлений о животных. Некоторые ученые считают, что разным народам известны в основном одни и те же группы названий животных, выполняющих характеристическую функцию и ассоциация людей с животными является практически универсальной для всех языков [3].

Зооморфные образы используются для характеристики особенностей внешнего облика человека, его характера, поведения в обществе, т.е. актуализации вполне конкретных, наблюдаемых особенностей существования человека. По мнению Кондратьевой О.Н., существует тенденция использования зооморфных образов и для репрезентации внутреннего мира человека, в частности его центрального компонента – души.

Древнего человека, еще не оторвавшегося от природы, плотным кольцом окружал мир диких и одомашненных животных. Другими словами, «человек вписан в круг живых существ, среди которых проходит вся его жизнь» [2, 151].

Савина Е. А. считает, что одной из таких «традиционных черт, издревле приписываемых «нечистому» и вступившим с ним в «преступный; сговор» людям, является оборотничество» [4, 10]. Оборотнями, то есть, существами, способными менять обличья, превращаясь в животных, либо, наряду с человеческими, обладающими некими звериными чертами, являются все демонические персонажи «Вечеров» и ведьма «Вия». Все они – так называемые «вольные» оборотни, по собственному желанию и благодаря сверхъестественным способностям: «обращающиеся» в зверей. Способностью «оборачиваться» обладает ведьма из повести «Вечер накануне Ивана Купала»: «Большая

чёрная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись, в кошку, кинулась в глаза им. Глядь, вместо кошки, старуха» [5, 145]. В следующей повести сборника, «Майская ночь», мачеха «сотниковой дочки» является к падчерице в обличий «страшной чёрной кошки», «шерсть на ней; горит и железные когти стучат по полу» [5, 157]. О Солохе («Ночь перед Рождеством») «поговаривали» старухи, что «у неё сзади хвост величиною не более бабьего веретена»; что она «...чёрной кошкою перебежала дорогу», что «к попадье раз прибежала свинья; закричала петухом... и убежала назад» [5, 212]. В «Вие», по рассказам дворни, панночка, однажды обернувшись собакой, «кинулась... прямо к детской люльке», а после – «уже не собака, а панночка» «схватила дитя, прокусила ему горло и начала из него пить кровь» [5, 204].

Оборотни: черти с «собачьими мордами», «свиные, собачьи, козлиные, дрофиные, лошадиные рыла», «лающая» и «визжащая» ведьма, «кошачье отродье» («Пропавшая грамота»); чёрт с «собачьим рыльцем», с «мордочкой», оканчивающейся, «как и у наших свиней, кругленьким пяточком», козлиной бородой под мордой и небольшими рожками, способный «обратиться в коня» («Ночь перед Рождеством»); «чёрт с свиною личиною» («Сорочинская ярмарка»); Басаврюк, чьи «волосы - щетина, очи - как у вола» («Вечер накануне Ивана Купала»). Оборотнем является и появившийся на свадьбе колдун «Страшной мести»: «вместо карих, запрыгали зелёные очи; губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копьё, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб и стал козак - старик» [5, 245] («клык» и «горб» могут быть названы зооморфными чертами, например, характерными признаками вепря).

Однако, с точки зрения народнопоэтических представлений, оборотень - это не только «человек, обратившийся, обращенный в кого или что-либо, но и предмет, существо, обернувшееся (обёрнутое) человеком» [7, 367]. «В повествованиях об оборотнях грань между человеком и зверем... проходит через самого оборотня: он и человек, и животное одновременно» [7, 368]. То есть оборотнями могут быть названы не только «бесы», в облике и поведении которых присутствуют животные черты («свиная личина», «козлиная борода» и т.д.), колдуны/ведьмы, «оборачивающиеся» кошками, собаками, свиньями, но и животные, обладающие теми или иными человеческими: чертами и свойствами (умением читать, как Шарик, или стрелять из револьвера, как Бегемот).

И, наконец, люди: (на первый взгляд, никоим образом не связанные с «нечистой силой»), оказавшиеся в ситуации, когда их принимают за зверей, или выполняющие функции животных, несомненно, также могут считаться носителями оборотнических, то есть демонических черт.

Савина Е.А. пишет, что «во многих произведениях Гоголя и Булгакова животные играют роль «земных», «домашних» бесов, замещая подлинных и восполняя их отсутствие. Вероятно, именно такое замещение происходит в «Повести о том, как поссорился...», повестях «Старосветские помещики», «Иван Фёдорович Шпонька...» и в повести «Собачье сердце», где животное выполняет функции inferнального существа, являясь обладателем свойств, присущих «выходцам с того света» [4, 10]. Утверждает, что и звери, и «бесы» «очеловечены», максимально приближены к человеку за счёт внешнего и внутреннего сходства с ним, животные, подобно демонам, оказываются связаны с людьми кровным родством или пародией на таковое. Родство человека и зверя возникает благодаря: замещению, «подмене» человека животным и напоминает о широко распространённом народном веровании в то, что дьявол подменяет «своими чертенятами некрещёных человеческих младенцев» [8, 254], причём в качестве замены может выступать животное.

По мнению исследователя, зверь, замещающий человека (ребёнка) - оборотень, так как если не превращается в человека, то кажется человеком и выступает в его роли. В произведениях Гоголя наиболее часто роль ребёнка исполняет собака. Так, тётушка Ивана Федоровича Шпоньки, «воображая, что возле неё стоит маленький, внучек, просящий пирога, рассеянно протягивала к нему руку с лучшим куском, а дворовая собака, пользуясь этим, схватывала лакомый кусок, за что и бывала всегда бита кочергою» [5, 303]. Такое же

замещение человека собакой происходит и в «Повести о том, как поссорился...», где собаки неженатого Ивана Никифоровича занимают места его несуществующих детей и фактически уравниваются в правах с детьми Ивана Ивановича, оказываясь едва ли не в превосходстве перед ними. Подтверждением тому служат слова Ивана Никифоровича.

В произведениях Булгакова также неоднократно возникают мотивы замещения человека животным, их максимального сближения. Так близки в пьесе «Адам и Ева» гениальный химик Ефросимов и Жак: «Жак освещает мою жизнь... Жак - это моя собака... я никогда не расстанусь с ним» [9, 160]. Смерть этого пса «великий колдун» воспринимает острее, чем гибель детей и: «Я самый несчастливый из всех уцелевших... душа моя, Ева, смята, потому что я видел всё это. Но хуже всего это потеря Жака» [9, 195],

По мнению Гаспарова Б. , в произведениях Гоголя, в данной повести человек и животное похожи, то есть животное, выступая в роли человека, обладает человеческими чертами, а человек обретает черты животного (Владимир Ипатьевич Персиков «говорил скрипучим тонким квакающим голосом» [9, 305]). Смерть животного-побратима («невероятных размеров мёртвая лягушка», на морде которой «даже после смерти было злобное выражение» [9, 316]) неизбежно влечёт за собой смерть человека. Профессор Персиков явно уподоблен своим «подопечным», «постоянно отождествляется с «голыми гадами», которых он исследует» [11, 89].

Таким образом, животные в произведениях: Гоголя («Вечера на хуторе...», «Миргород» и «Мёртвые души») могут восприниматься как представители тёмных сил, «выходцы с того света», связанные с человеком столь же тесно и зачастую мстящие: ему не менее страшно, чем демоны в своём традиционном обличий. В. Розанов («Опавшие листья») утверждает, что Гоголь животных «нигде не описывает». С подобным утверждением можно было бы согласиться, если предположить, что «описанные» Гоголем животные – «бывшие» бесы в процессе своего становления людьми. Нередко оказываясь причастными к происходящим роковым событиям, а порой принимая активное участие в происходящем, гоголевские звери сочетают в себе черты «прошлой» и «будущей» ипостасей, выполняя функции демонов и обладая при этом человеческими свойствами. Подтверждением тому могут служить сюжеты двух повестей «Миргорода», а именно «Старосветские помещики» и «Повесть, о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Фантастику этих повестей Ю.В. Манн («Поэтика Гоголя») назвал «неявной», «завуалированной», так как все странные, необычные явления, о которых говорит писатель, не объясняются вмешательством в жизнь людей «нечистой силы», а чрезвычайные происшествя не вызваны её внезапным появлением. Диканьскую «нечисть» в «Миргороде» заменяют животные, подобно inferнальным чудовищам, несущие беды, а порой и смерть своим хозяевам [10].

В «Повести о том, как поссорился...» образы «проклятой бабы» и «супоросной свиньи», действующих словно заодно являются продолжением друг друга и сливаются: в единый образ чудовищного оборотня, медленно губящего двух приятелей.

Ещё более выраженными демоническими чертами, наделён пёс Шарик в повести Булгакова, оказавшийся в центре «чудовищной истории» и меняющий животный облик на человеческий, хотя по словам Преображенского, человеком Шариков лишь казался: «То есть он говорил? Это ещё не значит быть человеком» [9, 135].

Собака, точнее, существо в образе собаки, проникшее в дом московского профессора, как ни странно, обладает сходством с ведьмой-оборотнем, описанной в повести Гоголя «Вий». Убитая панночкой хуторянка, о которой Дорош рассказывает Хоме Бруту, услышав, «что за дверью скребётся собака и воет так, что хоть из хаты беги» [5, 204] выходит «отворять дверь» так же, как Преображенский распахивает дверь перед Шариком, незадолго до этого воющим в подворотне. Так же как и убитая философом дочь сотника, оказавшись в хате, из собаки превращается в девушку («Шепчиха видит, что это уж е не собака, а панночка»), превращается в «человечка» пёс, «пожаловавший» к Преображенскому и мечтающий «утвердиться» в его доме «окончательно». Казалось бы, события происходящие

в повестях Гоголя и Булгакова после того как «собака»-панночка и «Шарик-пёс» оказываются в жилище человека, ничем не напоминают друг друга. Тем не менее, обращает на себя внимание представляющаяся немаловажной деталь в описании состояния и внешности Филиппа Филипповича, вынужденного терпеть в собственном доме неприятного соседа, деталь, позволяющая проводить параллели между двумя повестями.

Как уже было отмечено ранее, «пёс» Шарик, превратившись в Шарикова, за время; двухнедельного пребывания в доме профессора проходит путь от беспородного пса до «заведующего подотделом очистки г. Москвы от бродячих животных (котов и прочее) в отделе МКХ» [9, 127]. Такому неожиданному и скорому возвышению «бывшего пса», обретению им силы, власти, способности претендовать на равноправие с хозяином дома и требовать выселения Борменталья («У самих револьверы найдутся...» [9, 131]; «Я на шестнадцати аршинах здесь сижу и буду сидеть» [9,132]), сопутствуют столь же резкие изменения в самочувствии Филиппа Филипповича. «Необыкновенно важный и представительный», «властный и энергичный» профессор слабеет, превращаясь в осунувшегося («сгорбился и даже поседел за последнее время»), дряхлого старика. Связь между метаморфозами, одновременно происходящими с «магом» и его «собственным экспериментальным существом», сродни взаимосвязи, которая существует между гибелью «искусанной и посиневшей» «глупой бабы» и «воскресением» убившей её мёртвой («она была вся синяя» [5, 204]) панночки.

В «Собачьем сердце» пёс, впервые, оказавшись в доме Преображенского, с ужасом думал о том, как «весь бок изрежут ножиками». Пытаясь этого избежать, он «отлетев назад, закутился на: месте, как: кубарь под кнутом» [9, 55]. Непосредственно перед началом операции «жрец» произнёс: «Ну, Господи, благослови. Нож», и, «взмахнув ножичком, метко и длинно протянул по животу Шарика рану» [9, 83]. «Обратиться» же, «обернуться» нередко буквально означало «переброситься через себя» [7, 368]. Кроме того, «чтобы, сделаться оборотнем, надобно перекинуться, перескочить через нож» [7, 368]. Шарик боится «ножика», и кружится («оборачивается»), желая спастись.

Гоголя и Булгакова объединяет высказанная ими в своих произведениях мысль о том, что прежде чем демоны, обернувшись животными, вошли в мир людей, люди опустились до уровня животных, став неотличимыми от демонов с собачьими и свиными личинами. Так люди, превращающиеся в зверей, являются первопричиной губельного для живущих соединения Земли и Ада.

В заключении сошлемся на современного культуролога М.Н. Эпштейна, который считает, что «образы животных в литературе – это своего рода зеркало гуманистического самосознания» [6, 87]. Человек, соотнося себя с представителями животного царства, обучается отличать должное от недолжного, сохранять телесную и духовную вертикаль. На земле нет лишних животных. Каждое из них создано Творцом для определенной цели в помощь потомкам Адама и Евы. Воистину при чтении зооморфно маркированной литературы складывается впечатление, что назначение каждой твари - тянуть человека вверх.

Список использованных источников

1. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52–65
2. Смирнова А.И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века: - М.: Флинта: Наука, 2009. – 288 с.
3. Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М.И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 147–165.
4. Савина Е.А. Мистические мотивы в прозе М.А. Булгакова («Собачье сердце»). Автореф. дисс. на соискание уч.степени к.ф.н. М.: 2005. – 24 с.
5. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М., 1937-1952.

6. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии: Науч.-попул. – М.: Высш. шк., 1990. – 303 с.
7. Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь СПб., 2000.
8. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.
9. Булгаков М.А. Собрание сочинений: 10 т. М., 1995-2000.
10. Манн Ю. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996.
11. Гаспаров Б. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М., 1994.